

Я вернулся в мой город, знакомый до слез,
До прожилок, до детских припухлых желез.

Осип Мандельштам

По несчастью или к счастью,
Истина проста:
Никогда не возвращайся
В прежние места.
Даже если пепелище
Выглядит вполне,
Не найти того, что ищем,
Ни тебе, ни мне.

Геннадий Шпаликов

У Корбюзье то общее с Люфтваффе,
что оба потрудились от души
над переменной облика Европы.
Что позабудут в ярости циклопы,
то трезво завершат карандаши.

Иосиф Бродский

Глобализм и дрящущее внутреннее равенство с собой

Идентичность – сегодня модное слово, означающее отношение, члены которого тождественны друг другу. Философ И.Х. Эриксон считает, что идентичность – дрящущее внутреннее равенство с собой.

Понятие идентичность широко используется в этнологии, психологии, культурной и социальной антропологии.

В этих дисциплинах оно означает осознание человеком принадлежности к какой-либо группе, позволяющее ему найти свое место в социокультурном пространстве и свободно ориентироваться в окружающем мире.

В теории градостроительства оно пока не имеет четко определенных границ, поскольку рассматривать идентичность по отношению к городу можно абсолютно в разных аспектах (историческом, национальном, региональном, ландшафтном), а также с точки зрения различных групп населения. Думается, что в теории градостроительства определение идентичности И.Х. Эриксона подходит более всего.

Город живет во времени. Разрушаются старые дома, на их месте строятся другие, растут, как годовые кольца на деревьях, новые районы... Но у города должно быть дрящущее внутреннее равенство с собой, чтобы человек мог сказать, вернувшись через десятилетия: это мой город. Увы, не так уж много таких городов, которые с течением времени сохраняют тождественность.

Во-первых, для сохранения идентичности любому городу необходимо сохранение исторического каркаса. (Каркас – градостроительные элементы, которые живут более трехсот лет. Как правило, это улично-дорожная сеть, уникальные объекты или руины, имеющие культурное и историческое значение.) Но этого, как показывает практика, недостаточно. **Во-вторых**, важен сложившийся веками силуэт.

В семидесятых годах XX века много говорили об охранных зонах, позволяющих сохранять традиционные видовые кадры. Сейчас об этом «забыли», поскольку сиюминутная выгода затмила доводы архитекторов. Если сравнить снимки русских провинциальных городов, сделанные в начале XX века фотографом Сергеем Прокудиным-Горским, и то, что есть сейчас, неизбежно возникнет щемящее чувство утраты.

Если разрушается характерный рисунок силуэта, город теряет свою идентичность, поскольку силуэт имеет не

только отношение к истории заселения данного места, он есть следствие национальной психологии и религии. Силуэт города также результат определенных приемов освоения ландшафта, о чем много писал в свое время академик Дмитрий Лихачев.

Петербургцы недаром так резко протестовали против строительства здания «Газпрома» в непосредственной близости от исторических высотных доминант. Каким бы прекрасным новое здание ни было, оно не смогло бы вписаться в сложившийся за три века силуэт Петербурга, не нарушив его целостности.

В Екатеринбурге, в отличие от Петербурга, исторический силуэт был сломан дважды. В первый раз, когда из города пытались сделать «город пролетарского далека» в годы первых пятилеток. Тогда разрушили множество храмов и особняков XVIII–XIX веков, построив взамен комплексы зданий и сооружений по проектам Гинзбурга, Корнфельда, Весниных... Второй раз это случилось, когда город поддался соблазнам глобализации в начале XXI века и появилось 46 новых высотных зданий в центре. Похожи они сейчас на хаотично поставленные стаканы и графины на полке серванта.

В-третьих, город теряет свою идентичность, если нарушается баланс плотности городской ткани, который характерен для данного этноса. Русские, привыкшие к «воле», к простору, плохо чувствуют себя в тесных перенаселенных улочках восточных городов. Арабы не переносят разряженную застройку. Но одинаково плохо чувствуют себя и русские, и арабы, и китайцы в обезличенной высотной застройке городов, потерявших идентичность. Какой уж там фэн-шуй в бетонной клетушке на 30-м этаже стеклянного небоскреба в Шанхае или Пекине?! Какая уж там «воля» в такой же бетонной клетушке в Москве, Петербурге или Иркутске?! Можно сказать, что сохранение плотности городской ткани, обусловленное национальными традициями еще одно условие сохранения идентичности в градостроительстве.

В-четвертых, для сохранения идентичности важно также и то, что в градостроительстве называют плазмой, – временные сооружения – киоски, реклама, фонтаны, клумбы и пр. Ереван без роз и фонтанов, без надписей

текст
Елена Багина

Пекин

Вид на бывший дом главного начальника Уральских горных заводов генерала Глинки. XXI век

на армянском языке, без запаха кофе из летних кафе – не Ереван.

Волжские провинциальные города без плотных липовых аллей, без деревянных лестниц, ведущих к Волге, без классических беседок и ягодных базаров – не волжские города.

Огромное количество вывесок и рекламы на английском языке тоже не способствует сохранению самости. Русские города становятся похожими на бабу, натянувшую на себя вместо сарафана модное заграничное платье, которое ей мало. Зачем и для кого писать *sale*, если можно по-русски написать «распродажа». Иностраный язык в вывесках и рекламе заставляет задуматься, а не оккупирован ли город вражескими войсками?

В-пятых, город теряет идентичность, когда его масштаб становится запредельным. Вернее оказать, что отдельные районы гигантского городского образования превращаются в отдельные города, имеющие в лучшем случае свой характер, а в худшем абсолютно безликые. Жители таких районов ездят в исторический центр, если он сохранился, как на экскурсию в другой город. К их ежедневной жизни он не имеет отношения.

Можно найти еще множество факторов, которые мешают иметь городу «длящееся внутреннее равенство с собой».

Дело в другом: сумеет ли общество остановить процесс потери идентичности городов, готово ли оно осознать, что это жизненно важно? Вопрос этот на сегодня остается открытым... Хуже всего, что процесс этот глобальный. Множество городов в Америке, Африке, Европе забывают о своей самости, зарастая стеклянными творениями талантливых и бездарных последователей Ле Корбюзье и Мисс Ван дер Роэ. Социолог Сергей Переслегин считает, что в течение 20 лет нас ждет либо тотальная постиндустриальная катастрофа, либо постиндустриальный переход с полной перестройкой жизненных форматов, а это значит, что наши города кардинально изменятся, точно так же как они резко изменились после падения Римской империи. Согласно теории Переслегина, человечество в настоящее время переживает последнюю кризисную фазу развития индустриального общества, для которой характерна глобализация. (Кстати, последняя кризисная фаза в жизни Римской империи тоже связана с тотальной глобализацией. Римские города, отсто-

ящие друг от друга на тысячи километров, были похожи как близнецы-братья: акведуки, термы, амфитеатры, форумы, гипподамова система в планировке, одинаковые фортификационные сооружения, единая форма правления...)

Повышенный интерес к понятию «идентичность», в частности в градостроительстве, связан, по его мнению, с процессами глобализации, которые провоцируют повсеместное появление очагов противодействия, поскольку множество людей как трагедию ощущают отрыв от национальной культуры и традиционной религии, потерю моральных и этических ориентиров. Соответственно, поднимается волна национализма, основанного на весьма упрощенном понимании национальной истории и религии. Что понимает большинство верующих в догмате Святой Троицы? Знают ли суры Корана кричащие «Аллах Акбар»? Да и нужно ли им это знать на уровне Павла Флоренского, Бориса Раушенбаха, Ибн ал-Араби, Джалаледдина Мухаммеда Руми?... Нет, конечно. Но обязательно нужна причастность к общей истории, культуре религии. Следовательно, нужны имеющие национальные корни одежда, декоративно-прикладное искусство, архитектура, градостроительство.

В городах, застроенных унифицированными зданиями, вандализм стал общим местом. Такая реакция на примитивизм архитектуры вряд ли предвиделась, когда огромные пространства застраивались стандартными параллелепипедами (ничего лишнего...).

15 июля 1972 года в Сент-Луисе был взорван простоявший 17 лет жилой комплекс архитектора Ямасаки, состоящий из трех десятков зданий. Причиной демонтажа стала удручающая эстетика и социально опасное поведение жителей. Архитектурный критик Чарльз Дженкс этим событием датировал конец модернизма с его рационалистическими утопиями.

Модернизм умер, но наследие его еще долго будет жить, портя не только внешний вид городов, но и психику, и вкус их обитателей. Модернизм умер, умер и саркастический постмодернизм. Возможно, и само искусство архитектуры лишится своей идентичности. (О современных строениях говорят «прикольно», если хотя бы похвалить. Сказать «красиво» редко кто решается. Да и что такое красота? Гармония? Пропорции? Это из другой жизни. Ах, Иван Вла-

Екатеринбург. Вид на Плотинку в сторону ул. Малышева

Кострома

диславович Жолтовский, кто нынче оценит ваши труды? Уж точно не те, что выросли в Черемушках и Прют-Айгоу. Прочностью и долговечностью новостройки тоже не отличаются. А польза? Для здоровья точно не полезно в них жить.)

Недаром стены домов в городах покрываются сплошным ковром граффити. Забавно, что ушлые искусствоведы из центров современного искусства с восторгом пишут о творениях анонимных вандалов. (С другой стороны, вандалы, рисуящие на стенах, создают среду, в которой их сообщество может комфортно существовать. Таким образом они опознают единомышленников, заявляют о своих правах в городском пространстве, выстраивают иерархию внутри своего сообщества, то есть создают для себя некую идентичность.) Обнадёживает, что существуют и противоположные тенденции, или тренды, если хотите.

В России, так уж случилось, что те города сохранили свою неповторимость, которые не слишком бурно развивались. Но в каком состоянии их исторические постройки? Много ли успели напортить панельные пятиэтажки? В каждом конкретном случае нужно разбираться особо.

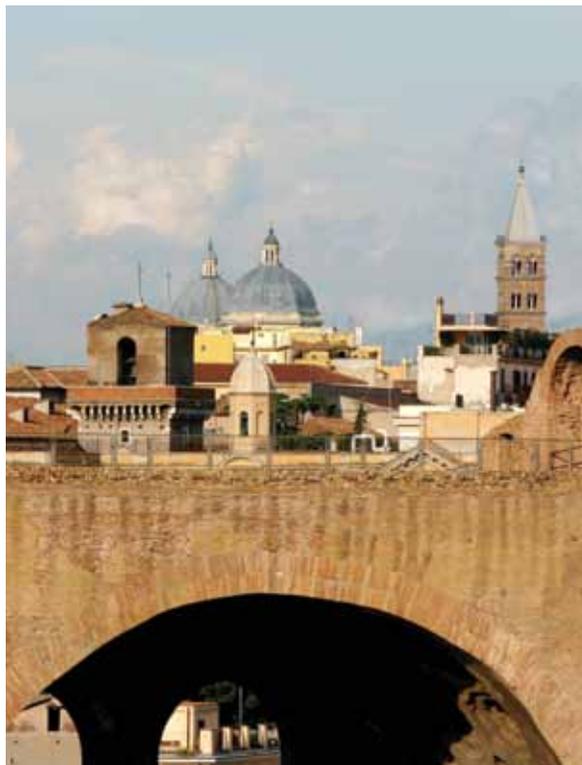
Хотелось бы привести массу положительных примеров сохранения градостроительной идентичности в российских городах, но это проблематично. Причин тому несть числа. Помимо экспериментов авангарда 20-х годов, помимо бурной перестройки, которой подверглись города в 30–50-е годы XX века, помимо «стеклянной революции» начала XXI века и транспортного коллапса, есть еще общие законы экономики, которые заставляют города приобретать безумные масштабы, несоизмеримые с человеком. Естественно, что люди не чувствуют себя хозяевами в этих городах. Они как бы ничьи. Каждый протаптыкает себе свои муравьиные тропки в таком городе и не ощущает его целостности.

Но вернемся к положительным примерам. Петербург? Пока город выстоял. Но его окраины – это уже не Петербург. Хотя и окраины Праги – не совсем то, что мы называем Прагой. Да и окраины Флоренции...

Москва? Хотелось бы... Но сегодня это даже не моя Москва, где я жила в начале восьмидесятых годов. И уж точно не Москва моей бабушки. Длительнее внутреннее равенство с собой в российской столице почти утеряно. Может быть, оно будет найдено вновь?

Кострома? Ярославль? Новый Иерусалим? Да, пока там есть возможность обрести градостроительную идентичность. По крайней мере, есть надежда, что на волне интереса к национальной истории что-то сдвинется с мертвой точки.

Теоретики архитектуры начали громче говорить об уходящей самобытности российских городов, о национальной культуре, о сохранении наследия. Бог в помощь новым Дон Кихотам от архитектуры в поисках национальной и культурной идентичности. Померяться силами с мельницами глобализма – подвиг.

Рим. Панорама